

— Пап, я вернулся.

Дождевая вода стекала с промокших прядей, прилипших ко лбу. Ки Цзинье толкнул дверь в комнату, но, стоило ему увидеть происходящее внутри, как его красивые брови недовольно сошлись к переносице.

В тесной комнатухе стоял стол для маджонга. Воздух был пропитан густым, въедливым табачным дымом. Трое мужчин и одна женщина, сидя вокруг стола, невозмутимо перебирали костяшки.

— Где мама?

Ки Цзинье, привыкший к подобной картине, прошел напрямик к окну и распахнул его, впуская внутрь холодные струи дождя.

— Мать, мать... Откуда мне знать, где она шляется? Эта баба целыми днями только и делает, что танцует на площади, даже обед не приготовила! — грузный мужчина, сидевший на восточной стороне, закинул ногу на ногу и, зажав в левой руке сигарету, лениво приподнял веки, взглянув на сына. — Где мой петух? Куда ты его дел?

При упоминании петуха в глубине глаз Ки Цзинье промелькнула тень. Он бросил взгляд на карты отца и отрезал:

— Потерялся.

— Что?! — мужчина в ярости хлопнул по столу, вскочил и, схватив со стола костяшку, швырнул ее в сына.

Ки Цзинье среагировал мгновенно и ловко уклонился.

— Эй, эй, старина Цзи, успокойся! — вмешался сидевший рядом дядя Лу, пытаясь утихомирить соседа. — А-Е, ну ты даешь. Знал же, что этот Дахунпао — свет в окошке для твоего отца, как ты мог его потерять?

Ки Цзинье насмешливо хмыкнул и направился к выходу:

— Свет в окошке? Его свет в окошке у него самого в штанах болтается.

— Ух! — дядя Лу опешил. Он никак не ожидал, что обычно молчаливый Ки Цзинье сегодня проявит такую язвительность. И не только он — все присутствующие уставились в спину парню, как будто увидели привидение. Лишь Ки Дапэн, уловив чутким ухом крик петуха снаружи, едва заметно дернул уголок рта, но промолчал.

— Брат Дапэн, что это с А-Е? Его что, кто-то обидел? Или он не поступил в старшую школу? — проворковала единственная женщина в компании, вдова тетушка Ван. Ее взгляд то и дело соскальзывал на ширинку Ки Дапэна, а короткое черное платье едва ли скрывало ее гладкие белые бедра.

Ки Дапэн не ответил, словно не замечая ее взгляда. Зато дядя Лу пожал плечами, провожая похотливым взглядом ее ноги:

— Да ну, быть того не может! Кто в наших краях не знает, что А-Е — парень способный? Настоящий отличник, в уездную школу точно пройдет.

— В уездную? Там проходной балл минимум шестьсот пятьдесят, — другой мужчина за столом, с всклокоченными волосами, пнул ножку стола. — А-Е точно потянет?

— Подумаешь, шестьсот пятьдесят! Для нашего А-Е это пустяки, правда ведь, А-Е? — женщина кокетливо улыбнулась, глядя на парня.

Ки Цзинье даже не удостоил ее взглядом. В гостиной он стянул промокшую куртку и, глядя на промокшего до нитки петуха у своих ног, сжал кулаки:

— Пап, на улице ливень, мама наверняка без зонта. Сходи встретить ее.

— Встретить? Ты что, не видишь, я занят! — Ки Дапэн стряхнул пепел с сигареты. Он покосился в окно и, заметив, что дождь усиливается, нахмурился и нехотя поднялся со стула. — Может, на сегодня закончим?

— Э, брат Дапэн, мы еще круг не доиграли! Пусть А-Е сходит, — тетушка Ван недовольно наморщила носик. — А то со стороны кажется, будто ты своей жены боишься.

— Боюсь? Я? Да я ее в гробу видал! — мужчину легко было взять на слабо. Стоило его задеть, как он тут же плюхнулся обратно на стул и принялся раздраженно ворчать.

— Папа! — Ки Цзинье внезапно оборвал его, и в голосе парня зазвучала сталь. — Хватит играть. Закончим на этом. Если ты не пойдешь за мамой, я прямо сейчас зарежу этого твоего драгоценного петуха на суп.

Твердость Ки Цзинье застала всех врасплох. Ки Дапэн, окончательно разозлившись, вскочил со стула. Но стоило ему двинуться в сторону сына, как тот, проявив чудеса скорости, подхватил петуха и рванул на кухню.

В этот критический момент петух, до этого выглядевший полуживым, вдруг отчаянно закукарекал и забил мощными крыльями, словно протестуя против своей участи. Очевидно, протест был бесполезен.

Когда нож уже был приставлен к горлу птицы, преследовавший его мужчина в ужасе закричал:

— Не смей! Брось нож!

— Пойдешь встречать?

— Ах ты паршивец, ты угрожать мне вздумал? — Ки Дапэн, злой и озадаченный одновременно, уставился на сына. — Что с тобой сегодня? В городе у тетки голодал, что ли?

— Пойдешь или нет? — Ки Цзинье не ответил, придвинув лезвие еще ближе к шее петуха. Лицо его было мрачнее тучи.

Видя, что сын не шутит, мужчина сник и, сделав шаг назад, пробормотал:

— Ладно, ладно, иду я, иду! Убери нож, живо! Если хоть волосок с него упадет, я тебе устрою!

— Хм! — Ки Цзинье холодно фыркнул, отбросил нож и, глядя отцу прямо в глаза, демонстративно выдернул из петуха перо.

Ки Дапэн: «.....»

Кукареканье петуха прервало их дуэль. Ки Дапэн бросил на сына последний взгляд и направился в переднюю комнату. Через пару секунд послышался шум отодвигаемых стульев — партия была прервана.

Ки Цзинье выдохнул, погладил петуха по шее и пробормотал:

— Слушай, Сяо Шао, больше я тебя не оставлю. Сегодня же ты отправишься в последний путь, не ходи за мной больше.

На самом деле Ки Цзинье уже несколько раз пытался избавиться от этого «сумасшедшего» петуха. Вчера он специально поехал на автобусе в уезд Линло, в десятках километров отсюда, чтобы оставить его в парке, но птица намертво привязалась к нему, да еще и искусала его в кровь.

Потом он возил его к тетке в город, но та, увидев «подарок», пришла в ужас и стала кормить птицу деликатесами, лишь бы та не устроила скандал.

Это был настоящий боевой петух, которого Ки Дапэн три года назад купил у перекупщика за тысячу с лишним юаней. О нем знала вся округа. Отец был помешан на петушиных боях — не

ради денег, а ради развлечения. И надо признать, эта птица была легендой: в радиусе десятков километров ей не было равных.

Ки Дапэн дал ему гордое имя Дахунпао и чуть ли не спал с ним в обнимку. Из-за этого петуха родители ссорились постоянно, не давая покоя всему кварталу.

Алый гребень, роскошное оперение — петух был действительно породистым. В отличие от обычных бойцовых птиц, у которых шеи почти голые, этот отличался пышным хвостом и невероятно красивыми, пестрыми крыльями. Ки Цзинье не называл его Дахунпао, предпочитая прозвище Сяо Шао — за его вызывающий, «развратный» вид.

В передней стало тихо. Ки Цзинье отпустил Сяо Шао и принялся за готовку. Деревенская кухня не могла похвастаться стерильностью, но здесь было чище всего в доме — отец почти никогда сюда не заходил.

Ки Цзинье, семнадцатилетний паренек, стоящий на пороге старшей школы, был обычным деревенским жителем. Как и многие его сверстники, он рано повзрослел — в бедных семьях дети быстро учатся брать на себя ответственность, и это было правдой до последнего слова.

— А-Е, готовишь? — в окно кухни заглянул сосед Лу Фэн. Его выкрашенные в желтый цвет волосы бросались в глаза. — Кто сегодня выиграл?

— Не знаю, не спрашивал. — Ки Цзинье старательно промывал рис. Заметив новую прическу соседа, он приподнял бровь: — С такими желтыми волосами тебя в школу пустят?

— Сейчас же каникулы, перед началом учебы перекрашусь. — Лу Фэн был на год старше Ки Цзинье и учился в третьей школе уезда. Его мать умерла от рака груди, и теперь он жил с младшей сестрой Лу Юйхун.

Лу Юйхун была ровесницей Ки Цзинье, она тоже только что сдала экзамены, но результаты были средними, и теперь она сидела дома под домашним арестом, так что готовка легла на плечи Лу Фэна.

— Кстати, та тетушка Ван сегодня была? — Лу Фэн прильнул к подоконнику, и на его лице появилась ехидная улыбка. — Вот же потаскуха! Позавчера жена дяди Чжао ее побила, а сегодня они снова вместе крутятся.

Дядя Чжао, о котором говорил Лу Фэн, был тем самым всклокоченным мужчиной за столом. Он жил на другом берегу реки, напротив дома Ки, и владел трехэтажным особняком — один из немногих «нуворишей» в деревне.

Ки Цзинье промолчал, вспомнив ту женщину. Лу Фэн, казалось, привык к его немногословности и, не дождавшись ответа, убрал голову от окна. Оба погрузились в свои

мысли.

Дождь за окном не прекращался. Хмурое небо навевало тревогу. Ки Цзинье беспокоило одно: он до сих пор не знал своих результатов. Шестьсот пятьдесят баллов — правда ли это проходной порог для уездной школы? Уверенности не было.

Экзамен по английскому он сдал не лучшим образом, а ведь он подал документы в уездную школу Линло — лучшую во всем городе.

Вчера, когда он возил Сяо Шао в уезд, он специально задержался у ворот школы, чтобы еще раз взглянуть на свою мечту.

Первое сентября, ожидание... Ах да, еще и военная подготовка. Первогодки наверняка должны пройти ее заранее.

Ки Цзинье поставил рис в рисоварку и взял корзинку, собираясь нарвать зелени в огороде. Стоило ему повернуться, как из передней донесся пронзительный женский крик.

Сердце Ки Цзинье екнуло. Плохо дело — мать вернулась.

Тетушка Ван была общим врагом всех деревенских женщин. Говорят, от вдовы одни беды, и в деревне, где любая сплетня разлетается за считанные минуты, это было чистой правдой.

Грядет великая битва! Бежать или остаться?

<http://bllate.org/book/25151/2992151>